

В какой-то момент человек уже не может лгать. И талант становится сильнее инстинкта самосохранения

Торги дома Гелос будут транслироваться в залах Антикварного салона

Издревле их считали самыми умными птицами. Они могут говорить, считать и добывать пищу при помощи самых хитрых и неожиданных приспособлений

Удивительно быстро Терри присоединился к армии дачников – не тех, которые проводят все время в гамаке, а тех наших золотых мужчин, которые на каждые выходные едут с привязанной к багажнику машины порцией досок для возведения очередного дачного объекта

Interpone tuis interdum gaudia curis

НГ АНТРАКТ

Независимая газета

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «НГ» № 28 (71), 24 ОКТЯБРЯ 2003 г.

+ ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ

Классический филолог в образе вампира

Светлана Конеген: «Чтобы работать на телевидении, надо быть монстром»

Игорь Шевелев

Светлану Конеген, ведущую воскресной программы «Деликатесы» на ТВЦ, коли уж увидишь раз, то не забудешь более никогда. Первое впечатление: «Да кто же ее, эту хулиганку, допустил на экран, да еще в такое время, когда не все дети до 16 лет легли спать!» Потом – удивление: «Да как же приличные с виду люди, академики и доктора наук вступают с ней в диалог, неужто не видят, что она над ними издевается?» И наконец: «Нет, определено в этой гадости что-то есть. Иначе, почему не переключаешься на другой канал?» Но Светлана Конеген – это не только маска светского персонажа и скандального телеведущего. Это еще человек, знакомство с которым сулит немалые открытия.

Света, признайся честно, кто первым нашел твой незабываемый имидж на телеэкране?

– Во-первых, имидж меняется с каждым проектом. Если я работаю на НТВ в программе «Слад-

кретного требования того проекта, который на тебе виснет.

– Но я-то тебя помню еще чистым питерским ребенком.

– Да ладно, сильно подгнившим.

– Все равно, расскажи свою биографию.

– Ты знаешь, у меня странное отношение с собственной биографией. Я почти никогда не помню, что со мной происходило. Были некие этапы жизни, и всякий раз я начинаю жить заново. Последний этап, правда, уже прилично затянулся – восемь лет – и продиктован работой, конечно.

– Телевидением?

– Да. Я совершенно не страдаю ностальгией. У меня нет друзей детства. Я не скучаю по школе. Я не испытываю ностальгии по первому периоду жизни в Москве. Практически не поддерживаю отношений с людьми, с которыми общалась. Я вообще с большой охотой теряю людей и прошедшее время, и собственный возраст. Знаешь, как у ящерицы отваливается хвост, – и я напрочь о нем забываю. Я считаю, что это довольно счастливое качество, во всяком случае, для меня. Потому что оно дает ощущение полной свободы и открытости в будущее. Тебя ничто не тянет за задницу.

У меня слишком бодрый социальный темперамент

какая жизнь», у меня один придурочный имидж. Если на «Культуре», где у нас было часовое обозрение «Положение вещей», то у меня совершенно другой имидж. И так далее. В принципе никто этим идиотским поиском моего имиджа никогда не занимался. Я мало похожа на человека, которому можно что-то навязывать, верно? Достаточно посмотреть на мою пакостную рожу, и сразу это увидишь. Поэтому в принципе имидж родился сам собой. При совокупности всех обстоятельств. Моей гнусной натуры. Определенных требований времени. И кон-

– В Москве ты с какого года?

– С 89-го. Я поступила здесь в аспирантуру к Вячеславу Всеволодовичу Иванову и благополучно ее не закончила. По поводу чего Дмитрий Александрович Пригов, когда приходит в гости и хочет меня сильно подстебнуть, говорит: «Да-а, Светлана Юрьевна, все у вас в биографии вроде неплохо складывается. В целом я доволен. Одно мне не нравится. Когда же вы наконец диссертацию про Кава-фиса защитите?»

– То есть ты филолог?

– У меня было очень жесткое университетское питерское вос-

Светлана Конеген: «Вечером не могу работать. У меня мозги отключаются, и я могу только дефилировать».

Фото Натальи Преображенской («НГ-фото»)

питание. Отделение классической филологии на филфаке славилось в отличие от московского своими монастырскими правилами. Я, конечно, считалась там самым богемным поросенком. Тем более что окончила школу при Академии художеств, где, наоборот, слыла абсолютным ангелом на фоне всех моих сильно пьющих и занимающихся с шестого класса ком-

мунальным сексом соучеников.

Университету я благодарна за пять лет чудовищной зубрежки и абсолютно жесткого академического воспитания.

– Что же ты там учила?

– На классической филологии я, пардон, учила по двести форм одного неправильного древнегреческого глагола! Понимаешь? На русском отделении, на славянских, на английском –

езде творился бордель. На нашем отделении был совершеннейший монастырь. Объем зубрежки просто не позволял свиняться. Я очень благодарна этому воспитанию, при том что я по натуре совершенно не академический человек. У меня слишком бодрый социальный темперамент.

– Который расцвел в Москве?

– Здесь он расцвел, потому что Москва – это мой любимый город, дающий совершенно ненормальную агрессию и бесконечное, хаотичное и редко когда осмысленное движение. Питер с его размеренностью, снобизмом и чрезмерными апелляциями к собственной традиции, с его пафосом – мне не близок. При том что с детства знала практически весь питерский ан-

деграунд. Ничего более поганого я не видела. Мне он запомнился только одним: как меня пытались научить пить портвейн в подъезде. Надо сказать, что с тех пор я питерских литераторов терпеть не могу. Портвейн, кстати, тоже.

– В Москве произошел перелом?

– В свое время на меня очень сильно повлиял концептуа-

листский круг. Хотя из него я общаюсь до сих пор только с Дмитрием Александровичем Приговым и Володей Сорокиным. С Приговым мы прекрасно понимаем друг друга, Вова совершенно другой, это такая вещь в себе. Тем не менее выпивать вместе это не мешает. У нас тут за домом есть маленький ботанический сад, который культивируется с 1954 года, там уникальные растения стран мира. Летом мы устраиваем шашлыки с массой депутатов, государственных деятелей, телевизионных морд. В том числе и Володя Сорокин приходит. Особенно в период гонений на него он активно выступал в этом садике со своей собачкой Саввой, которая вместе с моей Дуськой пометили там все углы.

– Ты помнишь момент, когда вошла в этот высший свет?

– Я до сих пор не знаю, что такое высший свет. Это как-то само собой получилось...

– А по-твоему, когда он появился?

– Он начал формироваться в начале 90-х, но смешно называть это «высшим светом».

– Тусовка?

– Нет, нет. Это новая элита. Финансовая, политическая элита. И уже она формирует всю эту так называемую «тусню». Все остальные как-то при ней находятся. В том числе те, что связаны с влиятельным кругом людей из массмедиа.

Вспоминая, как это было в начале 90-х, можно долго смеяться. Это было вульгарно, это было неумело и неуклюже. Какие-нибудь быки в красных пиджаках могли тусоваться с крупными политическими деятелями, с элегантными дамами из высшего света, и все это было в норме. Сейчас, конечно, все дифференцировались, разбежались по своим местам. Быки исчезли. Либо они цивилизовались, либо их, извините, закопали куда подальше. В принципе сейчас совершенно другое общество. Хотя, в строгом смысле, этот анализ невозможно провести, потому что все находится еще в безумном развитии.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 15

Классический филолог в образе вампира

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13
– В какой момент ты появилась на телевидении?

– Мне стыдно, я про это говорю восемь лет. Значит, так. НТВ расширялось. Людям надо было чего-то и кого-то показывать. Решили, в частности, сделать программу про светскую жизнь. Тем более что она тогда начала расцветать буйным цветом. Меня знали, поскольку я уже была достаточно светским персонажем, о котором писали в хрониках «Коммерсанта-Дейли», и меня пригласили продюсеры. За мечу, что меня это напрягло.

– О телевизоре ты не думала?

– Я, кстати, давно обратила внимание, что на телевидении умудряются состояться люди, которые решительно никогда об этом не мечтали, не хотели и даже не смотрели телевизор. А люди экзальтированные – девушки, дамочки и джентльмены, стремящиеся на телевидение, – как правило, попадают впросак и ниши своей не находят.

– Такой дзен-буддизм: по-пасть в десятку, не целясь?

– Что-то такое странное. Но это действительно реальное наблюдение. Меня телевидение не интересовало вообще. Никаких амбиций не было. Более того, я была абсолютно уверена, что никаких проб не пройду, просто потому, что рожа кривая. Как ни странно, я прошла эти пробы. На этой же пробе состоялась встреча с моим режиссером Валерой Беловым, с которым

вых людей на телевидении – один процент из ста. Как правило, у всех косит крыша. Мы этими исследованиями интересовались в Институте имени Сербского совершенно серьезно.

– Какие твои проекты тебе нравятся больше всего?

– Знаешь, я ко всем отношусь хорошо, мне трудно выделить. К тому же не надо забывать, что телевидение – это конвейер. В неделю я практически еще два или три дня снимаюсь на других каналах, помимо своих съемок. В этом смысле я, наверное, единственный человек с ТВЦ, который торчит своей мордой на остальных каналах. Плюс бесконечные вечера, где надо выступать, что-то делать. Как, например, на дефиле, которое устроила недавно Ира Понаровская в суровом заведении под названием «Монолит», где в качестве моделей участвовал весь дамский бомонд Москвы. Мне, например, пришлось на десятисантиметровых каблучках приплясывать между господами Гурченко и Нарусовой. Согласись, это была большая ответственность. Особенно в отношении последней.

– Тебе нравится подобная фериическая жизнь?

– Знаешь, я предпочла бы более спокойный образ жизни, но у меня не получается. Я очень рано встаю. У меня два варианта. Либо я иду в элитный спорт-клуб, здесь недалеко, в Центре Вишневской. Либо, и чаще всего, сразу же сажусь за компью-

Единственное лицо, которое здесь не обсуждается, это моя Дуся. Дуся это святое. У меня никогда не было животных в доме. Я была уверена, что ничто живое не может со мной сосуществовать. Включая цветочки.

– Даже древние греки вымерли, оставив тебе мертвый язык?

– Вот именно. Но я тебе хочу сказать, что даже экзотические цветочки, которые мне дарят мои друзья, как ни странно, прекрасно здесь себя чувствуют. Это поразительно. А главное мое открытие в этой жизни – Дуся, которую мне совершенно случайно подарил некий очень влиятельный, скажем так, человек из Государственной Думы.

– Вот у меня последний тезис записан: «люди и место».

– Место для меня очень важно. Наверное, каждый из нас когда-нибудь должен обрести свой дом. Я очень люблю это место на Фрунзенской набережной, этот вид на Москву-реку, на Нескучный сад, на парк Горького, на роскошный Крымский мост. Удивительно, тут я отрешаюсь от всего. Огромное свободное пространство, небо. Здесь невероятно наблюдать дождь, фантастические снежные бури. Как в детстве, в мультфильме «Снежная королева», я вижу тут фантастические смерчи. Столько эмоций, которые отрешают тебя от пафосных и рабочих проблем, – для меня это очень важно. Я люблю здесь быть одна. И так же люблю быть с друзьями. Место, что называется, центровое, народ пробегает. От тех, кто мне не нужен, я умею дистанцироваться. А со своими, с теми, с кем работаю, мы празднуем здесь большую часть дней рождений.

– А входную дверь кто тебе порезал?

– Да, неприятность эта, к сожалению, обычна для многих публичных людей. На меня в последнее время было совершено несколько нападений. Изрезанная тесакom дверь – это сумасшедшая соседка, шизофреничка. Как мне сказали в том же Институте Сербского, «шизофрения, отягощенная алкогольным бредом». Сначала эта сумасшедшая баба звонит тебе в три часа ночи по телефону. Параллельно вызывает пожарную машину и две «скорые помощи». Потом начинает ломиться в дверь с топором... Да, и еще эта дама занимается тем, что звонит в разные желтые газеты, приглашает корреспондентов, рассказывая, что я устраиваю здесь оргии. Я всякий раз задумываюсь: с кем оргии? С Дусей, вероятно.

– Плата за публичную известность и эмоции, которые ты вызываешь на телеэкране?

– Честно говоря, эти проблемы публичных людей нередко их самих доводят до тяжелых неврозов. Я не могу выйти на улицу без капюшона и без темных очков. Это же ненормально, если не можешь выйти в садик и прогулять, извините, собственную собаку. Я не могу сходить в магазин. Непременно какая-нибудь продавщица или кассирша скажет: «И не надо очки надевать, все равно все понятно».

– Что – понятно?

– Я не знаю, что ей понятно. Но я это слышу каждый день. Знаю: то же происходит с моими коллегами. Мало кто об этом говорит. По разным причинам. Кто-то испытывает от этого драйв, кому-то нравится это детское наслаждение славой. Но многих это доводит до серьезных неврозов. Это одно из реальных профессиональных заболеваний.

– Не хочется заканчивать неприятным. Помню, как на приеме в латвийском посольстве к тебе подошла Алла Йошпе и сказала, как она любит твои передачи за твой прекрасный русский язык.

– Мой язык слабый и вялый. А вот русский действительно могуч и прекрасен. Мои коллеги-телевизионщики, и наши гости, и те, кого мы причисляем к политической и интеллектуальной элите, – все, как ни странно, выделяют в первую очередь именно это. А уже во вторую очередь – мою наглость и прочие недостатки.

– Которые суть продолжение твоих достоинств.

– Нет, я думаю, они – продолжение все тех же недостатков. ■

На телевидении умудряются состояться люди, которые решительно никогда об этом не мечтали

мы не расстанемся по сей день и ближе которого на самом деле нет.

– Каким было первое впечатление от себя на экране?

– Ты знаешь правило, что люди, впервые видящие свое лицо на телеэкране, впадают в панику, а некоторые начинают рыдать? Со мной было ровно то же самое. Это я сейчас более чем хладнокровна, мне вообще плевать. А поначалу был шок. А тут еще Валера возненавидел меня за то, что я ору на него на съемках. Я знаю, что он ходил и стучал на меня начальству. Ненависть и нетерпимость была полная. Которая потом переросла в абсолютную близость. Мы абсолютно понимаем друг друга и фактические соавторы всех наших проектов.

– Так, может, это он тебя придумал такой?

– Он контролировал. Да и то не с начала. Тогда я никого не слушала. Если ты помнишь, восемь лет назад все телеканалы без исключения были серыми. Сидели страшные тетki в серых меховых кофточках. И тут являюсь я со своими красными волосами, жуткой рожей, очками, слезающими с носа, абсолютно поносное зрелище с точки зрения нормального честного обывателя. Плюс странности речи. Но при этом меня спасает довольно трепетное отношение к проблеме текста и к русскому языку как таковому.

– Ты что, сама пишешь свои тексты?

– Да, при том что ни один ведущий и ни одна телезвезда сам себе ничего не пишет. А я пишу и свои тексты, и те, что за меня читает Валерка.

– Между прочим, с абсолютно твоими интонациями.

– Потому что текст авторский. Он не может от этого уйти. Мы завязаны друг на друге. Он совершенно замечательный человек, потому что терпеть такую суку, как я, – а эти восемь лет работы на телевидении сделали меня откровенной сукou, – это надо иметь большое мужество.

– Тебя сделала такой звездная болезнь?

– Нет, я на свой счет не обольщаюсь. Но для того, чтобы иметь свой имидж, свой стиль, чтобы делать программу такой, какую хочешь, чтобы вообще делать программу, иметь эфирное время, – ты должен быть монстром. Психически устойчи-

тер. Писать я могу только с семи утра до двух-трех часов дня. Пишу тексты одна, никому никогда не доверяю. Вечером не могу работать. У меня мозги отключаются, и я могу только дефилировать.

– И еще съемки?

– Съемки это другой вопрос. Они у нас обычно во второй половине дня по воскресеньям. Накануне я себя берегу. Не хожу на приемы и уж точно не пью ничего. Сажу, перепроверяю в сотый раз все тексты и тихо дрыхну. Обычно мы записываем по несколько программ сразу. А когда мы перед Новым годом начнем еще большое социальное ток-шоу, то это будет напруг.

– Тоже на ТВЦ?

– Естественно. Это проект, который мы, как семейная пара, вынашивали все лето с Олегом Максимовичем Попцовым. Оба прибалдели. «Да», – говорит Олег Максимович, – ну и имидж у тебя». – «Олег Максимович, – говорю, – я же нормальный человек. Сидим, я вас за задницу не хватаю». – «Я знаю, – говорит, – как ты можешь кишки людям выворачивать». Я говорю: «Олег Максимович, ну помилуйте, зачем же мне кишки выворачивать нашему потребителю, основному контингенту зрителей?» – «Голос у тебя очень узнаваемый», – говорит он. Я говорю: «Олег Максимович, так, может, это все-таки плюс для человека с моей работой?» Так и пререкаемся. А вообще у нас очень хорошие отношения. Это первое начальство, с которым у меня выстроились отношения. Я очень благодарна, что он умеет принимать чужое и удивительно терпим. И, кроме того, готов участвовать в проекте творчески, ему интересно.

– А как будет называться?

– Название я придумала, сидя на Женевском озере, – «Жалобная книга». Это совершенно не будет похоже на все калькированные социальные ток-шоу, которые присутствуют сегодня на телевидении. Люди очень хорошо понимают их фальшь. Я не собираюсь делать фальшивое.

– Ладно, расскажи про свою личную жизнь.

– Личная жизнь у меня восхитительная. Я живу одна и бесконечно этим счастлива.

– Как тебе это удалось?

– Выперла все живое из своей жизни. Я имею в виду мужиков.